

Я.

Я—тридцать третья буква русской азбуки, имеющая двоякое звуковое значение. Въ началѣ, а также въ серединѣ и концѣ словъ послѣ гласныхъ звуковъ она обозначаетъ слогъ изъ согласнаго *ј* и гласнаго *а* (подъ удареніемъ), или законныхъ его замѣнителей (въ неударенныхъ слогахъ): яма=јама, языкъ=ъязыкъ, маѣть=мѣјакъ, зайцъ=зайцъ (зъ здесь означаетъ очень краткий и неопределенный гласный звукъ), моя=мѣја, Зоя=зѣја и т. д. Въ положении послѣ согласныхъ начертаніе *я*, кроме гласнаго *а* (подъ удареніемъ), или его законныхъ замѣнителей (въ неударенныхъ слогахъ), означаетъ еще и мягкость предшествующаго согласнаго: мясо=м'ѣсъ, рабой=р'ебоу, понять=пѣн'я и т. д. Исключение составляютъ слоги *ча* и *ща* (литературное произношеніе: ч'а, щ'а), въ которыхъ мягкость предшествующаго согласнаго не обозначается знакомъ гласнаго, такъ какъ въ литературномъ произношении *ч* всегда мягко и твердаго параллельного звука не имѣть. Особый знакъ гласнаго звука, который обозначалъ бы и мягкость предшествующаго согласнаго, въ

данномъ случаѣ, такимъ образомъ, является излишнимъ, и потому сочетанія ч'а и щ'ч'а изображаются иначе, чѣмъ я'о, я'а и т. п. Гласный звукъ, изображаемый буквой я, соответствуетъ частью старославянскому носовому гласному я, частью старослав. же я. Оба послѣднихъ звука имѣютъ различное происхожденіе. Первый (я) можетъ восходить къ индоевроп. носовымъ «сонантамъ» ш и п (десять, память), а второй—къ индоевроп. ё послѣ ѹ (земля), индоевроп. а (моя), б (лѣко, ср. лат. очи). Какъ буква, я восходить къ старославянскому я, начертаніе котораго, при установленіи въ началѣ XVIII в. такъ называемой гражданской азбуки, было въ извѣстномъ отношеніи приближено къ латинскому R (Я). Такимъ образомъ данная буква является однимъ изъ самыхъ юныхъ членовъ русского алфавита, чѣмъ и объясняется отсутствие у неї цифрового значенія (славянское я лишь иногда имѣло цифровое значение=900).

С Б—чъ.

Я

Я (его)—обозначает сознаваемое каждымъ человѣкомъ единство собственного индивидуального существованія. Такъ какъ въ этомъ единствѣ соединяется въ одно цѣлое все на-
ми переживаемое, то обыкновенно слово «Я» служить для обозначенія неопределенной совокупности собственныхъ душевныхъ состояній, охватываемой памятью и воображеніемъ. Больше тонкій психологический анализъ обнаруживаетъ въ сознаніи не только объединенную множественность состояній сознанія, но и то, *въ чёмъ* эта множественность объединяется. Такимъ образомъ сущность сознанія «Я» состоитъ въ переживаніи душевныхъ состояній и дѣятельностей связанными съ нѣкоторымъ центральнымъ пунктомъ сознанія, который и обозначается словомъ «Я». Особенность «Я», по сравненію съ прочими элементами сознанія, состоять, во-первыхъ, въ томъ, что именно съ нимъ человѣкъ вполнѣ отожествляетъ свою внутреннюю сущность, тогда какъ всѣ остальные элементы сознанія могутъ рассматриваться какъ нѣчто болѣе или менѣе вѣшнее и преходящее, и, во-вторыхъ, въ нравственной ответственности, которая относится именно къ «Я», а не къ какому-либо состоянію сознанія. «Я», какъ особый пунктъ сознанія, весьма трудно уловимо въ актѣ самона-
блуденія, несмотря на несомнѣнную наличность въ сознаніи. Когда мы говоримъ: «я ощущаю», «я чувствую», «я думаю», «я дѣлаю усилие», наше сознаніе бываетъ почти цѣлкомъ заполнено содержаніемъ ощущенія, чувства, мысли или усилия, при чёмъ «Я» остается въ тѣни, какъ простая скрытая въ глубинѣ сознанія точка. Не представляя никакого специфического качества, «Я» отчетливо сознается какъ источникъ дѣятельности. Такимъ образомъ активность можетъ быть признана единственнымъ внутренне сознаваемымъ содержаніемъ «Я». Однако, поскольку все содержаніе сознанія обусловливается отчасти активностью «Я», оно также не безъ основанія относится къ природѣ нашего «Я». «Я», въ связи со своими основными и характерными проявленіями, называется также личностью. Подъ *характеромъ* разумѣются обыкновенно сознательно само-предѣлившуюся личность. Иногда термины личность и характеръ употребляются синонимически. Являясь несомнѣннымъ и почти никѣмъ не отрицаемымъ фактомъ душевной жизни, сознаніе «Я» представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ важнейшую проблему психологіи и философіи. Сущность этой проблемы заключается въ правильномъ описаніи и истолкованіи факта сознанія «Я». «Я» можетъ быть понимаемо или какъ реальное единство сознанія, отличное отъ всѣхъ его элементовъ въ отдѣльности и совокупности, или только какъ формальное единство, состоящее въ известной непрерывности и связности между психологическими или физиологическими элементами. Первый способъ разрѣшенія этой проблемы приводить къ онтологическому определенію «Я», какъ особаго вида бытія, а также къ выясненію его причинной связи съ общей жизнью сознанія и вѣшнимъ міромъ. Второй способъ, отвергая онтологическое значение понятія «Я», сводить

весь вопросъ къ изучению взаимоотношений между состояниями сознания и лхъ физиологической основой. Проблема «Я», какъ единства сознания, возникла съ полной отчетливостью только въ новѣйшей философіи. Философы и психологи древности и даже нового времени не отличали «Я» отъ души и совокупности ея состояній въ качествѣ особаго принципа. Это различеніе начинается только съ Канта. Впрочемъ, поскольку понятіе «Я» оказывается весьма близкимъ, а иногда даже совпадающимъ по содержанию съ понятіями субстанціи, монады, души, какъ единаго и простого начала,—проблему «Я» слѣдуетъ признать исторически весьма старой, трактовавшейся лишь въ иныхъ терминахъ. Чаще всего теоріи единства и субстанціальности души развивались для доказательства ея бессмертія или для опроверженія материалистическихъ взглядовъ. Въ древней философіи съ наибольшою силой и обстоятельностью отстаивалъ единство души Плотинъ, въ борьбѣ съ теоріями стоиковъ и атомистовъ. Аргументація Плотина и до сихъ поръ имѣеть полное значеніе; всѣ доводы новѣйшаго спиритуализма представляютъ, въ сущности, ея развитіе и приспособленіе къ современнымъ научнымъ даннымъ. Воззрѣніе на душу, какъ на простую субстанцію, выразилось съ полной ясностью у блаженнаго Августина, а затѣмъ у рационалистовъ Декарта и Лейбница и философовъ эпохи просвѣщенія (Вольфа, Мендельсона). Въ противовѣсь этому воззрѣнію возникла феноменалистическая теорія Юма, признавшаго «Я» простую совокупностью переживаній. У Канта мыслящее «Я» опредѣляется какъ самое основное и первоначальное условіе всякаго опыта и познанія. Кантъ различаетъ объективное «Я» или трансцендентальное единство апперципіїи, представляющее дѣйствительное тожество и единство, отъ «Я» эмпирическаго или субъективнаго, даннаго намъ во внутреннемъ чувствѣ какъ нѣчто измѣнчивое во времени. Утверждая тожество «Я», какъ основного трансцендентальнаго принципа, Кантъ въ то же время рѣшительно отвергаетъ попытку рациональной психологіи вывести изъ тожества «Я» его простоту и субстанціальность. «Я» само никогда не можетъ стать объектомъ познанія въ силу того, что оно никогда не можетъ быть предметомъ созерцанія, къ которому только и приможимъ категоріальный синтезъ. Фихте ставить Я основнымъ понятіемъ какъ теоретической, такъ и практической философіи. Все бытіе распадается у Фихте на «Я» и «не-Я», при чмъ «не-Я», полагаемое дѣятельностью мыслящаго «Я», преодолѣвается практическимъ «Я», стремящимся стать абсолютнымъ «Я». У русскаго философа Введенскаго утверждаемая Фихте коррелятивность «Я» и «не-Я» превращается въ особый законъ сознанія, по которому «Я безъ не-Я внутри сознанія пусто» («Опытъ построения теоріи матеріи»). Гербартъ разъединяетъ понятія «Я» и субстанціальности души, признавая «Я» за простую точку пересѣченія находящихся въ сознаніи представлений. Въ новѣйшее время понятіе «Я», отожествляемое обыкновенно съ единствомъ

сознанія, становится краеугольнымъ камнемъ для построения спиритуалистического міро-созерцанія. Особено много вниманія посвящаютъ этому понятію Лотце (*«Mikrokosmus»*, *«Metaphisik»*) и Тейхмюллеръ (*«Neue Grundlegung der Psychologie und Logik»*, *«Die Wirkliche und die scheinbare Welt»*), а среди русскихъ—Лопатинъ (*«Вопросъ о реальномъ единстве сознанія»* въ *«Вопросахъ философіи и психології»*, кн. 49 и 50), Козловъ (*«Свое слово»*) и Аскольдовъ (*«Основные проблемы теоріи познанія и онтології»* и *«Въ защиту чудеснаго»*, въ *«Вопросахъ философіи и психології»*, кн. 70 и 71). Точно также и въ новѣйшей психології понятіе единства сознанія или «Я» начинаетъ пріобрѣтать все большее значеніе. Вундтъ (*«Grundriss der Psychologie u. System der Philosophie»*) видѣть въ «Я» индивидуальное единство воли. Къ подобному же волюнтаристическому пониманію «Я», какъ единства стремленій, склоняется Лоссій (*«Основные ученія психології»*). Однако, въ большинствѣ случаевъ психологи ограничиваются эмпірической стороной вопроса и, устанавливая и описывая единство сознанія, какъ фактъ, оставляютъ нераразрѣшенной онтологическую проблему единства сознанія (Брентано, Липпсъ, Геффдингъ, Циглеръ). Гартманъ не безъ основанія отмѣчаетъ, что «большинство психологовъ не можетъ разрѣшить этой проблемы изъ-за отсутствія онтологического монизма и отвращенія отъ всякаго соприкосновенія съ метафизикой». Между основаніями, приводящими къ признанію «Я» какъ реальнаго единства сознанія, первое мѣсто принадлежитъ непосредственно переживаемому каждымъ человѣкомъ единству всей душевной жизни, сознаваемому какъ «Я». Однако, это основаніе само по себѣ не даетъ еще права придавать понятію «Я» какое-либо реальное значеніе. Факту сознанія «Я» всегда можетъ быть противопоставлено предположеніе, что сознаваемое какъ простое единство въ дѣйствительности можетъ быть множественностью неразличимыхъ для сознанія элементовъ, подобно тому, какъ сознаніе простоты звукового тона не мѣшаетъ ему въ дѣйствительности заключать множество обертоновъ. Кроме того сознаніе «Я», какъ безкачественнаго пункта, весьма неясно и неуловимо и можетъ быть призвано своего рода иллюзіей. Подобного рода сомнѣнія устраниются лишь если обратить вниманіе на сущность и взаимоотношеніе происходящихъ въ сознаніи процессовъ. Такіе процессы, какъ восприятіе, воспоминаніе, сужденіе, волевое рѣшеніе, были бы совершенно невозможны безъ реальнаго единства сознанія. Каждый такой процессъ представляетъ не просто виѣшнее соединеніе или соприкосновеніе болѣе элементарныхъ процессовъ и состояній (ощущеній, представлений, понятій), но ихъ внутреннюю связь и единство. Только благодаря этому единству разнообразіе зрительныхъ, осознательныхъ и др. ощущеній можетъ восприниматься какъ одинъ предметъ. Всѣ элементы нашего опыта, хотя бы и смежные въ пространствѣ и времени, сами по себѣ абсо-

люто чужды другъ другу и ничего не говорять про свою схожесть, сходство или взаимозависимость. Схожесть или наличие многообразныхъ качествъ можетъ быть воспринята только тѣмъ, что, оставаясь единымъ, включаетъ въ себѣ все это многообразіе. Вообще всякое соотношеніе частей и элементовъ не можетъ быть усмотрѣно самими этими частями или элементами. Необходимость признанія единства съ особенною ясностью обнаруживается въ актахъ разумной и нравственной координаціи элементовъ душевной жизни, т. е. въ процессахъ мысли и нравственного самоопределѣнія. Въ этихъ случаяхъ вся связь элементовъ основана на логической и нравственной оценкѣ и сопоставленіи. Очевидно, что эта функция не можетъ быть приписана отдельнымъ элементамъ, изъ которыхъ каждый имѣть въ себѣ только свое собственное содержаніе и не можетъ какъ-либо вникать въ содержаніе остальныхъ элементовъ. Такая координація и оценка не можетъ быть приписана и ихъ общей совокупности, такъ какъ и взятые вмѣстѣ, всѣ элементы включаютъ каждый порозь только свое собственное содержаніе. Всѣ эти содержанія могутъ быть сопоставлены и охвачены чѣмъ-то однимъ, одѣнивающимъ сущность каждого и не теряющимъ при этомъ своего единства. Это одно и открывается нашему сознанію въ нашемъ «Я». Единство «Я» совершенно не допускаетъ физиологического или вообще материалистического истолкованія. Въ материалистическомъ объясненіи все сводится къ различныхъ связяхъ и соотношеніяхъ материальныхъ частей и элементовъ (нервныхъ клѣтокъ, молекулъ, атомовъ) или къ соотношенію различныхъ силъ и энергій. Но все это не даетъ никакой почвы для реального объединенія многаго: всѣ эти клѣтки, атомы, силы и энергіи представляютъ сами по себѣ еще болѣе сепаратную множественность, чѣмъ элементы сознанія. Всѣ ихъ соотношения и связи сводятся къ двумъ основнымъ: «рядомъ» и «послѣ»; но эти связи реально не объединяютъ того, что расположено одно послѣ другого. Песчинки, находящіяся въ «одной» кучѣ песку, не менѣе чужды другъ другу, какъ и разсыпанные на огромномъ пространствѣ. То же можно сказать и про элементы человѣческаго тѣла, въ какихъ бы сложныхъ пространственно-временныхъ отношеніяхъ они ни находились. Вообще по отношенію къ материальной действительности понятіе реального единства приложимо только къ простымъ элементамъ, рассматриваемымъ въ отдельности, все же сложное обладаетъ лишь внешнимъ формальнымъ единствомъ, подобнымъ единству кучи песку или собраннаго часового механизма. Но и это единство приносится человѣческимъ сознаніемъ и мышленіемъ, реальное же единство состоитъ въ фактическомъ нахожденіи множества въ единой проникающей это множество сущности. Именно такое единство и предполагается всѣми процессами человѣческаго сознанія. Разъ оно логически выводится изъ общей связи душевной жизни, то и фактъ сознанія «Я», какъ единства этой жизни, полу-

чаетъ всю силу непосредственно данного атмъ единство. Самымъ распространеннымъ аргументомъ противъ единства «Я» является указаніе на такъ называемое «раздвоеніе личности», «одержимость» и т. п. психозы. Этотъ аргументъ имѣть, однако, лишь виѣшнюю видимость возраженія. Что сознаніе представляеть измѣнчивый и подчасъ прерывистый потокъ—это испреложная истина, не нуждающаяся для своего подтвержденія въ патологическихъ случаяхъ, факты же «раздвоенія личности» представляютъ лишь наиболѣе рѣзкіе примѣры измѣнчивости содержанія сознанія. Слѣдуетъ ли думать, что то «Я», которое называетъ себя сегодня королемъ, а завтра святымъ, въ силу его новыхъ воображаемыхъ или действительныхъ функций и измѣнившейся самооцѣнки какъ-либо раздвоилось или превратилось въ другое «Я»? Для такого заключенія нѣть достаточныхъ оснований. Всякія рѣзкія деформаціи душевной жизни вполнѣ объясняются вліяніемъ новыхъ интенсивныхъ факторовъ, относящихъ къ виѣшнему миру или къ процессамъ физиологического характера. Единство сознанія можетъ быть вполнѣ подавлено и подчинено, но и въ этомъ подчиненіи разнородныи вліянія сохранять свою единую природу, безъ которой самое вліяніе разнородныхъ силъ не могло бы обнаружиться въ сознаніи. Точно также не служить аргументомъ противъ признанія реальности «Я» его трудная уловимость въ самонаблюденіи. Необходимо различать сознаніе «Я» и самонаблюденіе «Я». Несомнѣннос означаемое «Я» не отдается самонаблюденію вслѣдствіе простоты своей природы, обнаруживающейся въ активности, а гдѣвное—вслѣдствіе того, что оно же само является и действующимъ субъектомъ акта самонаблюденія. По существу своему наблюденіе есть актъ, направленный во внѣ. Мы легко наблюдаемъ особенности другихъ людей, не отдавая себѣ яснаго отчета въ своихъ собственныхъ качествахъ; рѣдко кто, пересчитывая собравшихъ людей, не забудетъ сосчитать и самого себя. Но если въ «Я» мы имѣемъ самый глубокій и центральный пунктъ нашего существа и нашей активности, то вполнѣ понятно, что именно этотъ пунктъ не безъ труда можетъ быть сдѣланъ объектомъ наблюденія, т. е. своего собственнаго акта. Единство сознанія является реальностью sui generis, не подходящую подъ типъ действительности, понимаемой феноменалистически. Повидимому, это обстоятельство и заставляетъ современныхъ представителей психологіи подходить къ этому понятію съ большою осторожностью, такъ какъ оно грозить крушениемъ наиболѣе установившимся воззрѣніямъ современности, пытающимся подвести душевную жизнь подъ феноменалистическую схему. Наиболѣе обычное для спиритуализма опредѣленіе «Я», какъ духовной субстанціи, въ настоящее время теряетъ свое значеніе въ виду недоразумѣній и споровъ, связанныхъ съ понятіемъ субстанціи. Вообще едва ли правильно опредѣлять «Я» черезъ посредство какого-либо другого онтологического понятія. Представляя изъ себя непосредственно сознаваемую реаль-

ность, «Я» само может послужить основной онтологической категорией для определения других видов бытия.

Литература. Astius, «Das Ich und das Ding-an-sich, Geschichte ihrer begrifflichen Entwicklung in der neuesten Philosophie» (1873); Lotze, «Mikrokosmus»; Лопатинъ, «Вопросъ о реальномъ единстве сознанія» («Вопр. филос. и псих.», кн. 49); Аскольдовъ, «Основные проблемы теоріи познанія и онтології»; Ф. Гартманъ, «Современная психологія» (переводъ подъ ред. Филиппова). С. Алексеевъ.

Я—личность (психологическая). Наша духовная индивидуальность, или единство нашего «Я»—говорить Рибо,—есть слияние въ данный моментъ различныхъ состояній сознанія и многихъ безсознательныхъ физиологическихъ элементовъ. Личность есть, стало быть, координація, сочетаніе сознательного и биологического факторовъ. Точне будеть определение личности, какъ внутренней организаціи духовнаго міра. Кроме отдельныхъ психическихъ явлений (ощущенія, мысли и т. п.), кроме обособленныхъ душевныхъ способностей (умъ, чувство, воля, память), нельзя не признать существование въ душѣ человѣка извѣстнаго строя. Онъ выражается прежде всего въ существованіи выработанныхъ и унаследованныхъ группъ сознательныхъ реакцій, связанныхъ съ определенными жизненными функциями. Таковы такъ назыв. инстинкты питанія, половой, самообороны и т. п. Инстинкты свойственъ и животнымъ; его нельзя пріурочить ни къ одному изъ трехъ главныхъ отдельовъ душевной жизни—уму, чувству или волѣ,—такъ какъ въ инстинктахъ содержатся всѣ эти три элемента. Инстинктъ есть въ одно и то же время и кристаллизованное знаніе, и вѣками выработанная манера ощущать, чувствовать и реагировать, т. е. действовать. Такъ назыв. инстинктъ есть своего рода микрокосмъ души, т. е. цѣлый душевный аппаратъ въ миниатюрѣ, организованное сочетаніе всѣхъ основныхъ душевыхъ силъ, но лишь въ формѣ безсознательной. Инстинкты представляютъ собою истинный прототипъ души, ее зародышевую форму. Какъ только какая-нибудь сторона душевой жизни человѣка достигаетъ такой степени зрѣлости и устойчивости, что принимаетъ почти неподвижную форму и, при помощи соответствующаго приспособленія къ нервной организаціи, передается въ видѣ предрасположенія отъ родителей къ детямъ, мы имѣемъ дѣло съ инстинктомъ. Совокупность всѣхъ инстинктовъ, ихъ степень развитія, характеръ, вліяніе на психику составляютъ то, что называютъ темпераментомъ. Въ то же время этими терминами обозначаютъ также общий характеръ нервной функции—чувствительность, подвижность, работоспособность, форму главныхъ движений, какъ то походка, почерка, голоса и пр. Таковъ первый этажъ или самый глубокій и основной слой нашей душевой организаціи, подпочвенный слой «личности». За нимъ, ступенемъ выше, слѣдуетъ характеръ, т. е. выработанные и унаследованные привычки въ сферѣ мозговой или сознательной функции.

Умственная или, върхе, душевная дѣятельность также имѣть свои инстинкты, но не столь устойчивые и неподвижные, какъ простѣйшие инстинкты. Душевная дѣятельность можетъ, однако, принять то или другое преобладающее направление. Съ полнымъ правомъ можно говорить о томъ или другомъ способѣ реагировать, чувствовать, о большей или меньшей психической энергіи и устойчивости; такъ назыв. характеръ для нашей психической жизни есть, поэтому, то, что темпераментъ и инстинктъ—для нашей безсознательной и первої дѣятельности. Наконецъ, третьей и высшей ступеню духовной организации является построение «личности» или нашего сознательного «Я». Въ тѣсномъ смыслѣ личность представляетъ собою организованный синтезъ всего духовнаго личнаго материала, пріобрѣтенаго индивидомъ въ теченіе его жизни посредствомъ воспитанія, опыта и труда. Въ болѣе широкомъ смыслѣ этимъ словомъ обозначаютъ все духовное богатство, которымъ обладаетъ данный индивидъ, какъ лично имъ пріобрѣтенное, такъ и тѣ свойства и дарованія, которыя онъ унаследовалъ. Сверхъ того, въ составъ понятія о личности включаютъ еще и всѣ свойства перво-психической организации, т. е. темпераментъ и характеръ. По Мейнерту, въ основе «первичной личности» лежитъ тѣлесное самоощущеніе, т. е. сводка и равнодѣйствующее, сознательное и полусознательное, всѣхъ ощущеній, получаемыхъ мозгомъ отъ всѣхъ уголковъ нашего тѣла, включая сюда и первную ткань. Это «первичное Я», какъ называетъ его Мейнертъ, уже присущее ребенку, впослѣдствіи мало-по-малу обрастаѣтъ новыми слоемъ представлений, относящихся къ предметамъ, лицамъ и явленіямъ, входящимъ въ сферу нравственныхъ и материальныхъ интересовъ выростающаго человѣка; образуется свой «вторичнаго Я». «Личность» можетъ быть всего ближе опредѣлена какъ духовное тѣлосложеніе, что обозначаетъ не только содержаніе, но и извѣстное строеніе и, главное, извѣстный родъ реакціи на окружающей міръ. Личность, т. е. духовная величина нашей индивидуальности, можетъ быть не только большей или меньшей, но болѣе или менѣе энергичной, устойчивой; она можетъ и должна имѣть свой типъ реагированія на Божій міръ, можетъ быть пассивной или активной, оборонительной или агрессивной, можетъ оказывать большее или меньшее регулирующее влияніе на низшіе по іерархіи элементы — характеръ и темпераментъ, можетъ или преимущественно опредѣлаться въ своей работѣ вышними стимулами, по типу психо-рефлексовъ, или наоборотъ, обнаруживать большую склонность къ самостоятельной, автономной дѣятельности. Она можетъ обладать значительнымъ внутреннимъ сдѣлленіемъ или цѣльностью; тогда весьма трудно оторвать какое-нибудь сросшееся съ личностью представление или стремленіе. Она можетъ легко или трудно воспринимать новые элементы, видоизменяться и развиваться въ теченіе жизни, или же, разъ сформировавшись, остаться на

всю жизнь неподвижной, окаменѣлой и т. д. Она можетъ достигнуть такого развитія и пріобрѣсти такое преобладающее значеніе въ духовной жизни человѣка, что всѣ отдельные акты умственной волевой работы будутъ во- сить на себѣ печать ея вліянія. Въ этомъ выводѣ, подтверждаемомъ наблюденіями, заключается самый существенный пунктъ ученія о личности. Личность, по мѣрѣ своего развитія, становится не только новымъ факторомъ наряду съ другими въ области душевной жизни, но стремится постепенно подчинить себѣ всѣ стороны послѣдней, больше всего область дѣйствій. Всего меньше личность въ состояніи видоизмѣнить область простѣйшихъ чувствъ и низшихъ инстинктовъ. Вниманіе, ассоціація идей и воля становятся подчиненными личности, отъ которой они получаютъ направлѣніе. Высшія формы чувствованій—этическія, эстетическія и интеллектуальные—неразрывно связаны съ личностью. Само собою разумѣется, что въ качествѣ позднѣйшаго психического построенія личность достигаетъ замѣтнаго развитія далеко не у всѣхъ людей; она, сверхъ того, весьма неустойчива — во всѣхъ душевныхъ болѣзняхъ она рѣзко искается или совершенно отступаетъ на задній планъ, какъ бы растворяется. Вместо цѣльной личности на сцену выступаютъ тѣ составные части и функции души, которые раньше были сплошены въ одно цѣлое. Въ сферѣ нашихъ дѣйствій или воли также обнаруживается вліяніе личности; если мы прослѣдимъ ить дѣяній правильно развитого человѣка, то мы будемъ иногда поражены внутренней связью этихъ поступковъ и ихъ однородностью. Такая однородность, при крайней сложности и индивидуальности отдельныхъ актовъ воли, говорить въ пользу существованія какого-то невидимаго общаго регулятора для волевой дѣятельности—и этимъ регуляторомъ можетъ быть только то «объединяющее» психо-физиологическое построеніе, которое мы имѣемъ въ «личности», стоящей вѣнѣ и выше отдельныхъ психическихъ факторовъ. Съ самаго на- чала нашего бытія до конца жизни—говорить Н. И. Пироговъ,—всѣ органы и ткани приносятъ къ намъ и удерживаютъ въ насъ цѣлую массу ощущеній, получая впечатлѣнія то извѣнѣ, то изъ собственнаго своего существа. Эта вереница ощущеній, извѣнѣ и изнутри извѣстнымъ образомъ регулированныхъ, этотъ сводъ (*ensemble*) ощущеній и есть наше «Я». Сознаніе нашего «Я» приходитъ къ намъ безсознательно; мы до этого сознанія вовсе не додумываемся. Сознаніе бытія собствен- ной личности не есть достояніе одной человѣческой натуры—оно общее намъ со всѣми животными; какъ бы животное могло защищать себя, отыскивать пищу, вести борьбу за существованіе, если бы въ немъ не было сознанія своей личности? Каждый человѣкъ легко можетъ представить себѣ себѣ самого какъ нѣчто существующее во виѣшнемъ мірѣ. Мы сознаемъ отдельные органы нашего тѣла, мы даже можемъ представить самихъ себѣ какъ виѣшний предметъ, обладающій извѣстными физическими свойствами. Зато намъ

гораздо труднее забыть хотя бы на мгновение о своем тѣлѣ, представить себѣ, что мы существуемъ какъ известная духовная величина. А между тѣмъ то, что мы называемъ, напр., честью вѣдь основано на предположеніи, что есть нечто, находящееся не въ насъ, а гдѣ-то внутри насъ. Вѣдь не кость, не кожа можетъ быть задѣта обидой. Есть, стало быть, что-то незримое, которое насъ всюду сопровождаетъ. Это и есть такъ называемая личность. Различие между представлениями о нашемъ физическомъ тѣлосложении и о духовномъ мірѣ, т. е. о личности, отнюдь не такъ велико, какъ это кажется съ первого взгляда. Когда мы говоримъ о тѣлосложении и физической организации, мы опираемся на наши субъективные ощущенія и тѣ впечатлѣнія, которыхъ доступны не однѣмъ намъ, но и окружающимъ. О нашемъ ростѣ, фигурѣ, цветѣ нашей кожи и т. п. могутъ судить и другие люди. Поэтому наше сужденіе о нашемъ физическомъ тѣлосложении имѣть не только субъективный, но и объективный характеръ. Эта объективность имѣть, впрочемъ, лишь добавочное, провѣрочное значеніе. Въ основѣ нашего представления о своемъ физическомъ «Я» лежитъ группа ощущеній, безъ которыхъ не могло бы въ насъ зародиться представление о своемъ тѣлѣ. Только благодаря тому, что мы видимъ свое тѣло, ощущаемъ свое сердцебиеніе, свое дыханіе, чувствуемъ отправление своихъ внутреннихъ органовъ, испытываемъ бодрость и усталость, жаръ и холодъ, сытость, голодъ и жажду и т. п., мы доходимъ до общаго самоощущенія и сознаніе своего тѣла. Представление о своемъ тѣлѣ оказывается обоснованнымъ на самоощущеніи. Обращаясь къ нашему психическому самоощущенію, или личности, мы находимъ, что и это имѣть своей основой сумму тѣлесныхъ ощущеній, доставляемыхъ намъ органами нашего тѣла; но главную роль здѣсь играетъ материалъ, доставляемый отправленіями нашей центральной нервной системы и мозга въ частности. Каждое изъ нашихъ тѣлесныхъ ощущеній въ то же время содержитъ въ себѣ и частицу психического самоощущенія. Видѣть себя, значитъ не только сознавать, что есть что-то видимое, но также, что существуетъ нечто видящее. Представление о нашей духовной личности, такъ же какъ и представление о нашемъ тѣлѣ, имѣть объективное существование; люди, говоря о комъ-либо, опредѣляютъ его не только какъ тѣлесный предметъ, но и колеблюсь говорить о его психической натурѣ. Мы говоримъ столь же увѣренно о характерѣ человѣка, о его психическихъ особенностяхъ, какъ и о его носѣ и другихъ физическихъ его чертахъ. Мы такъ же ясно различаемъ духовную индивидуальность нашихъ близкихъ, какъ и ихъ физическое тѣлосложение. Мы разсуждаемъ о духовныхъ типахъ литературы, не смотря на то, что передъ нами лишь продукты творчества; мы не сомнѣваемся, что эти выдуманные типы соответствуютъ существующимъ гдѣ-то живымъ людямъ. Какъ постоянство физического тѣла и тѣлосложения подтверждается и для насъ самихъ, и для дру-

гихъ неизмѣнной правильностью нашихъ физическихъ отправлений и постоянствомъ свойствъ органовъ нашего тѣла, такъ точно и существование духовнаго тѣлосложенія доказывается и дѣлается очевиднымъ, для нась и для окружающихъ нась, благодаря единобразью и типичности въ общемъ течениіи и въ проявленіяхъ нашей духовной жизни. Человѣкъ, обладающій тонкими органами чувствъ, хорошей памятью, краснорѣчіемъ, чувствительностью, душевной энергией, обнаруживаетъ и сегодня, и завтра всѣ эти качества, и мы увѣрены, что въ любой моментъ встрѣтимъ ихъ у него, какъ не сомнѣваемся, что голубые глаза нашего знакомаго будуть и завтра такими же, какими мы ихъ видѣли сегодня. Когда мы называемъ человѣка вспыльчивымъ, эгоистомъ, злопамятнымъ, мы не сомнѣваемся, что свойства эти ему всегда присущи. Все это даетъ право смотрѣть на духовное тѣлосложение какъ на такое же объективное явленіе, какъ и физическое строеніе тѣла. Духовная значность есть та дѣйствующая армия нашего сознанія, которая принимаетъ участіе въ решеніи важныхъ вопросовъ или задачъ нашей жизни, которая, стало быть, участвуетъ въ ежедневной битвѣ жизни. Физиологической основой личности служить объединенная группа всѣхъ тѣлесныхъ ощущеній, доставляемыхъ намъ нашими внутренними органами. Это такъ назыв. самоощущеніе или самочувствіе, которое служить для сознанія зеркаломъ, отражающимъ состояніе и ходъ работы отдельныхъ органовъ нашего тѣла и общий балансъ послѣдняго—итоги нашей растительной и нервной жизни. Тѣлесное или физическое самоощущеніе есть, слѣдовательно, не простая сумма ощущеній, получаемыхъ нашимъ сознаніемъ отъ различныхъ частей нашего тѣла, а организованное зданіе, построенное изъ этихъ послѣднихъ. Психіатръ называетъ это зданіе нашимъ первичнымъ «Я». Съ помощью высшихъ органовъ чувствъ—слуха и зрѣнія—это зданіе постепенно растетъ и расширяется, какъ бы обрастаетъ пристройками, которые состоять уже не изъ внутреннихъ тѣлесныхъ ощущеній, а изъ ощущеній, доставляемыхъ намъ внѣшнимъ миромъ: изъ образовъ и предметовъ, составляющихъ какъ бы постоянныхъ спутниковъ нашего тѣла. Эти близкіе намъ образы и предметы, сростаясь съ нашимъ тѣлеснымъ самоощущеніемъ, составляютъ второй слой — болѣе сознательный, т. е. болѣе объективный, уже по тому одному, что его материаломъ или содержаніемъ служать внѣшнія ощущенія, корни которыхъ лежать не въ нась, а въ нась, въ окружающей природѣ и средѣ. Близкіе намъ люди, природа, на линъ которой протекли первые годы нашей жизни, предметы, связанные съ личными событиями нашей жизни и т. п., — вотъ что входитъ въ составъ этого вторичнаго самосознанія или вторичной личности. Само собою разумѣется, что по строенію и содержанію личность можетъ сильно варьироваться. Такъ, у некоторыхъ субъектовъ въ составъ иль самосознанія входитъ, какъ весьма дѣятельный факторъ, ощущеніе пачъ тѣлесныхъ

свойства. Есть люди, которые никогда не могут забыть, что они богаты. Въпрочемъ у нихъ и образы принадлежащихъ имъ предметовъ и ощущеній, связанные съ властью надъ тѣми предметами, входятъ какъ весьма устойчивый и дѣятельный факторъ въ составъ ихъ самочувствія.

Изъ этихъ немногихъ примѣровъ можно видѣть, какъ сложно можетъ быть содержаніе духовной личности. Содержаніе есть лишь сырой матеріалъ, изъ которого построена личность. Этотъ матеріалъ укладывается въ сознаніи такъ, что устанавливается концентрическое наслѣдіе слоевъ, где одни элементы содержанія занимаютъ болѣе отдаленное мѣсто. Такая организація нашей личности есть продуктъ культурного развитія; вотъ почему духовная личность въ настоящее время есть несомнѣнно результатъ исторіи, настолько, насколько темпераментъ есть результатъ прямого и косвенного воздействиія природы на человѣка.—Въ духовной личности слѣдуетъ различать силу ея отъ того направленія, куда она стремится. Въ отношеніи силы мы знаемъ, какъ громадны различія между людьми. При оцѣнкѣ значенія выдающихся современниковъ или исторического лица обыкновенно руководствуются размѣромъ внутренняго содержанія этихъ лицъ и тѣмъ, насколько въ нихъ проявилась энергія ихъ духовной личности, т. е. насколько въ нихъ было сильно развито стремленіе поглотить и переварить массу духовнаго матеріала и снять его въ одно цѣлое. Нужно представить себѣ свою личность состоящую изъ двухъ слоевъ: изъ того, что тѣсно срослось съ нашими физиологическими и изъ того, что находится въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ центра нашего самосознанія. Это эгоистическій и альтруистическій слои. Несомнѣнно доказано, что альтруистическій слой есть позднѣйшее наслѣдіе въ нашей душевной жизни; онъ на нашихъ глазахъ еще разрастается, хотя и до сихъ поръ не достигъ особенно высокаго развитія. Въ сильныхъ личностяхъ характерно необыкновенное сѣщеніе этихъ двухъ слоевъ, ихъ полное слияніе, при чёмъ у однихъ эгоистическій слой подчиненъ альтруистическому, у большинства же, наоборотъ, первымъ подчиняется послѣдній. У первобытнаго человѣка содержаніе его личности почти цѣликомъ состоитъ изъ однихъ инстинктовъ, ограничивающихъ его личное существованіе. По мѣрѣ того, какъ человѣчество развивается духовно и культурно, сфера личности раздвигается; туда вростаютъ интересы семьи, рода, общины. Къ представлѣніямъ о настоящемъ прибавляются заботы о будущемъ, воспоминанія о прошломъ. Особенно тутъ и медленно подвигается развитіе нравственнаго чувства, т. е. симпатіи къ другимъ. Канибализмъ, еще и нынѣ не исчезнувшій у многихъ дикихъ народовъ, указываетъ на такое душевное состояніе людей, когда страданія ближняго не находятъ себѣ никакого отклика въ душѣ каннибала, когда человѣкъ для человѣка—мертвая вещь, а не живое и близкое существо. Мало по малу въ душѣ человѣка растетъ и расширяется чувство состраданія,

которое есть не что иное, какъ расширение чувства личной боли, личного страданія за окружающихъ. У многихъ представителей современныхъ передовыхъ народовъ процессъ просачивания альтруистическихъ симпатій въ личность и расширение личного страданія достигъ уже такихъ размѣровъ, что охватилъ даже животное царство и выражается въ отвращеніи къ убийствамъ, въ заботахъ о животныхъ. Въ этомъ расширении альтруизма и въ развитіи такъ называемаго нравственнаго чувства играетъ видную роль постепенное возрастаніе психической болевой чувствительности, т. е. способности человѣка испытывать боль не отъ однихъ только реальныхъ, тѣлесныхъ впечатлѣній, а также отъ представляемыхъ и даже воображаемыхъ, ожидаемыхъ и возможныхъ впечатлѣній. Величина этой психической чувствительности можетъ служить истиннымъ мѣриломъ степени развитія альтруизма въ личности. Ростъ личности идетъ еще и въ другомъ направленіи. Шагъ за шагомъ къ центральному умственному ядру личности прирастаютъ новые наслажденія: религіозная эмоція, эстетическая, умственная, т. е. стремленіе къ познанію, сопряженное съ умственной работой удовольствіе и всѣ высшія чувства красоты, благоговѣнія и правды. Различные элементы, входящіе въ составъ личности, обладаютъ неодинаковой энергией и устойчивостью; чѣмъ старше по времени зарожденіе въ нашей душѣ какого либо элемента—идей или чувства, тѣмъ прочнѣе они сидятъ въ нашей личности, тѣмъ больше ихъ влияніе на всю психическую жизнь, тѣмъ больше противодействія они въ состояніи оказать въ борьбѣ съ другими психическими силами. Наиболѣе молодая пріобрѣтенія нашей личности—идеи, чувства и стремленія, недавно нами усвоенные, — оказываются наименѣе прочными, мало связанными съ ядромъ нашего духовнаго «Я» и весьма легко уступающими противодействію другихъ психическихъ мотивовъ и влияній. Такимъ образомъ понятіе о личности распадается на синтетическое представление своего «Я» и на понятіе о внутренней психической организаціи, о какомъ-то механизѣ, объемлющемъ и регулирующемъ всю психическую жизнь. Эти двѣ стороны понятія «Я» такъ же неразрывны, какъ анатомическая и физиологическая свойства нашего тѣла, но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ слѣдуетъ различать одну отъ другой.—Значеніе «Я», какъ организующаго начала въ психикѣ, до сихъ поръ мало обращало на себя вниманіе психологовъ и психіатровъ, которые почти исключительно разрабатывали содержаніе «Я», т. е. его свойства, какъ синтетической группы представлений. Изъ физиологическихъ элементовъ, входящихъ въ составъ этой группы, особенно важное значеніе имѣютъ слѣдующіе: 1) волевые импульсы или двигательные образы, т. е. представленія нашихъ волевыхъ движений. Безъ нихъ сознаніе чашей тѣлесной личности имѣло бы чисто пассивный характеръ и наша личность сознавалась бы нами какъ особаго рода тѣло. Благодаря участію двигательныхъ образовъ, сознаніе资料 of its own «Я» рѣзче обособляется отъ тѣлес-

ныъ представлений и получаетъ характеръ двигательного, активнаго фактора дѣйствующей силы 2) Индивидуальныя особенности человѣка, отличающія его отъ другихъ людей Голова, тѣ черепъ и лицо, представляютъ ту именно область нашего тѣла, которая особенно богата индивидуальными особенностями и служить главнымъ критеріемъ для отличія одного индивида отъ другого У многихъ народовъ отдѣльные части лица—носъ, лобъ и др.—послужили основаніемъ для происхожденія кличекъ, а впослѣдствіи—имени и фамилии Недаромъ самое слово личность имѣть общий корень со словомъ лицо. Поврежденіе, нанесенное лицу, считается оскорблениемъ части «личности». Представления о своемъ лицѣ, о своихъ глазахъ, носѣ и т. д. составляютъ весьма существенную часть нашей эстетической самооцѣнки и самочувствія, особенно у женщинъ. Лицо, какъ часть нашего тѣла, составляетъ центральный пунктъ нашего самовніманія: въ немъ и на немъ прежде всего проявляются всѣ колебанія нашего настроенія и нашего самочувствія. Лицо раньше и рѣзче всѣхъ другихъ частей тѣла краснѣеть, блѣднѣеть при аффектахъ, лицо служить главной ареной экспрессіи, т. е. проявленія нашихъ эмоцій, а иногда игры нашей мысли и напряженія нашей воли. Вслѣдствіе выдающагося значенія этой части тѣла, какъ источника представлений о своей индивидуальности, лицо и голова становятся ареной, куда направлено все декоративное вниманіе человѣка: лицо дѣлается предметомъ всяческихъ украшеній. Нигдѣ, ни въ одной части нашего тѣла такъ не обнаруживается сила и тенденція индивидуальной наслѣдственности, т. е. наклонности родителей передавать своему потомству свои индивидуальные особенности. Въ процессѣ эволюціи человѣческаго типа вообще, расового, национальнаго и родового типа въ частности, лицо и голова также играли крупную роль. Эта часть тѣла была всегда по преимуществу ареной полового подбора. Вновь возникающая—случайно, органически или подъ влияніемъ среды—индивидуальные отклоненія въ чертахъ лица подхватывались, подчеркивались подборомъ, фиксировались путемъ унаслѣдованія и служили исходной точкой для новыхъ вариаций. Будущему предстоитъ разрѣшить вопросъ, насколько и какимъ путемъ установилась связь между индивидуальностью, вѣроятѣ—особой измѣняемостью (*variabilité*) этой части тѣла и тѣмъ, что она стала ареной наслѣдственности раба экспеленса. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что только у народовъ, достигшихъ высокой степени культуры, лицо и голова получили такое преобладающее и специальное значеніе въ формированіи самоощущеній и въ развитии представлений о своемъ «Я». На низшихъ ступеняхъ человѣческой культуры, у дикарей, еще незнакомыхъ съ одеждой, все тѣло имѣть почти одинаковое значеніе для представления «личности». Дикарь татуируетъ и украшаетъ почти съ одинаковымъ усердiemъ все свое тѣло Еще и теперь у многихъ культурныхъ народовъ мы находимъ слѣды и

остатки этого периода общаго украшения всего тѣла, особенно ногъ, рукъ. По всей вѣроятности у дикарей тѣлосложение—т. е. физическая форма тѣла,—играло болѣе выдающуюся роль въ самоощущеніи, въ оцѣнкѣ своей и чужой личности, нежели наружныя, болѣе эстетического характера особенности кожи и лица, которыхъ уже впослѣдствии, на болѣе высокихъ ступеняхъ культуры, приобрѣли значение и привлекли къ себѣ вниманіе человѣка. Подборъ, равно какъ и дѣйствие законовъ наслѣдованія, должны были въ эпохи имѣть иное направление, нежели въ позднѣйшихъ стадіяхъ эволюціи человѣческой породы.—Физическая ощущенія и тѣлесные особенности составляютъ исходный пунктъ для развития представленія资料а «Я». Каждое тѣлесное ощущеніе служить какъ бы ядромъ, около которого кристаллизуется множество вторичныхъ психическихъ наслойений. Такъ возникаютъ представленія украшений, туалета, трофеевъ и т. п. Даже уродства тѣлесныя, если они хотя косвенно связаны съ представлениемъ о нѣкоторыхъ отличияхъ нашего «Я» отъ другихъ, могутъ стать признаками украшающими, таковы, напр., слѣды ранъ, рубцы на лицѣ и т. п., если они указываютъ на проявленіе мужества. Процессъ развития представленія «личности» еще весьма мало изученъ; установлено, однако что объемъ и степень развития, т. е. организація и устойчивость этого представленія весьма неодинаковы не только у разныхъ индивидуумовъ, но и у разныхъ народовъ. Вообще высокое развитие «Я» составляетъ рѣдкое достояніе весьма немногихъ выдающихся людей. Практически особенно важно считаться съ тѣмъ фактомъ, что сложное представленіе нашего «Я», въ отличие отъ физического тѣлосложения, не представляетъ такой устойчивости и такого постоянства въ своемъ составѣ, какъ послѣднее. Нерѣдко встречаются люди, у которыхъ какъ бы периодически наблюдается смѣна двухъ различныхъ, подчасъ противоположныхъ типовъ «Я». Иногда въ дѣйствіяхъ человѣка и даже внутри самой его психики можно подметить борьбу двухъ противоположныхъ течений, какъ бы исходящихъ отъ двухъ различныхъ комплексовъ представлений. Встрѣчаются субъекты, унаслѣдовавшие отъ обоихъ своихъ родителей различные темпераменты, характеръ и «личность» послѣднихъ. У такихъ индивидуумовъ можно констатировать периодическое чередование проявлений различныхъ душевныхъ типовъ. Было бы, однако, натужной говорить о какой-то двойственности нашей личности, какъ о нормальномъ явлѣніи. Вѣрѣте будьте допустить, что въ нашей психикѣ, рядомъ съ господствующими комплексомъ представлений о своемъ «Я», у натуры нервныхъ, сложныхъ существуетъ, въ области безсознательной, зародышъ, а иногда и зародышъ другихъ комплексовъ представлений. При нѣкоторыхъ особыхъ условияхъ, особенно при аффектахъ или подъ влияніемъ известныхъ впечатлѣній, воспоминаній, ассоціаций, господствующее «Я» теряетъ свою силу и на его мѣсто на время становится другое «Я», вслѣд-

вающее изъ безсознательной области психической жизни.

Больезненныя разстройства личности. Въ различныхъ патологическихъ состояніяхъ, какъ при первыхъ, такъ и особенно при душевныхъ болѣзняхъ, наблюдаются разнообразныя разстройства и аномалии въ проявленіи личности. Особенно богаты такими разстройствами состоянія истерического сомнамбулизма и искусственно вызванного гипноза. Одна изъ самыхъ характерныхъ особенностей гипнотического состоянія заключается въ томъ, что психическая индивидуальность лица, находящагося въ этомъ состояніи, какъ бы отсутствуетъ или, по крайней мѣрѣ, не обнаруживается. Лица различного возраста, пола, разныхъ степеней духовнаго развитія реагируютъ подчасъ совершенно одинаково. Внушенные этимъ лицамъ образы, чувства и поступки осуществляются стереотипно, какъ бы совершенно не встрѣчая обычнаго сопротивленія и контроля со стороны ихъ психического «Я». Эта нивелировка психической индивидуальности обращаетъ загипнотизированый субъектъ въ автоматъ, вполнѣ машинообразно реагирующей на насильственно внущенные образы. Въ состояніяхъ самогипноза или сомнамбулизма также отсутствуетъ или стушевывается нормальная, свойственная данному лицу психическая индивидуальность, и взамѣнъ ея вспыхиваетъ личность другого состава и строенія. Когда такое новое психическое «Я» вспыхиваетъ правильно, періодически у лица, страдающаго сомнамбулизмомъ, тогда получается какъ-бы двойственное психическое существование (*double vie*) или раздвоеніе личности. Находящееся въ состояніи сомнамбулизма лицо иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней живеть совершенно иной жизнью, чѣмъ обыкновенно, мыслить, чувствовать и действовать совершенно не такъ, какъ въ нормальное время. Въ такомъ состояніи сомнамбуль не помнить ничего изъ своей нормальной жизни; зато каждый новый періодъ сомнамбулизма есть непрерывное продолженіе предыдущаго періода, какъ будто между обоями періодами имѣется непрерывающаяся связь. Это чередованіе даетъ право говорить о двойной жизни и о двухъ отдѣльныхъ психическихъ личностяхъ, помѣщающихся въ одномъ тѣлесномъ индивидѣ. Иногда наблюдаются не два, а три различнаго рода періода психической личности въ одномъ субъектѣ. Таковъ замѣчательный случай самоизъвѣннаго сомнамбулизма, описанный Флурнуа въ его книгѣ: «Des Indes et la planète Mars». Особа, описанная въ этой книгѣ, въ теченіе 7 лѣтъ имѣла припадки сомнамбулизма, во время которыхъ бывала поперемѣнно то индійской принцессой, то жительницей планеты Марсъ. Въ каждомъ изъ этихъ состояній она не только представляла другую психическую личность, но говорила и писала на другомъ языке. У душевно больныхъ наблюдаются разнаго рода трансформации личности; вѣкоторые больные воображаютъ себя превращенными въ звѣрей. Средніе вѣка были особенно богаты такими эпидеміями психическихъ заболеваній, въ которыхъ, подъ

влияниемъ суевірій и религіознаго фанатизма, болыніе бредили превращеніемъ въ вѣдьмъ, демоновъ, звѣрей и т. п.

Литература. Ribot, «Les maladies de la personnalité», Dr. Hack Tuke, «A dictionary of psychological medecine» (статья «Double conscience»); Мейнертъ, «Психіатрія»; Flounoy, «Des Indes à la planète Mars»; Fowillé, «Tempérament et caractère»; Моль, «Гіяно-тизмъ»; Loewenfeld, «Somnambulisme und Spiritismus» (въ «Grenzfragen», т. I, выш. I); Paul Flechsig, «Localisation der geistigen Vorgänge etc.»; проф. Оршанскій, «Судебная психиатрология»; его же, «Темпераментъ» (журн. «Жизнь», 1899 г.).

И. Ор.